

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЮБОВНЫЕ ЭЛЕГИИ	3
Книга первая	5
Книга вторая	23
Книга третья.	41
ГЕРОИДЫ	59
НАУКА ЛЮБВИ	145
Книга первая	147
Книга вторая	173
Книга третья.	199
ЛЕКАРСТВО ОТ ЛЮБВИ	227
СКОРБНЫЕ ЭЛЕГИИ	257
Книга I	259
Книга II	285
Книга III	304
Книга IV	332
Книга V.	356
КОММЕНТАРИИ	383

ЛЮБОВНЫЕ ЭЛЕГИИ

Текст печатается по изданию: Публий Овидий Назон. Элегии и малые поэмы / Пер. с латин. Сост. и предисл. М. Л. Гаспарова. Коммент. и ред. переводов М. Л. Гаспарова и С. А. Ошерова. — М.: Художественная литература, 1973.

© Перевод С. Шервинский, наследники, 2024

КНИГА ПЕРВАЯ

I

Важным стихом я хотел войну и горячие битвы
Изобразить, применив с темой согласный размер:
С первым стихом был равен второй. Купидон
рассмеялся

- И, говорят, у стиха тайно похитил стопу.
5 «Кто же такие права тебе дал над стихами, злой мальчик?
Ты не вожатый певцов, спутники мы Пиэрид.
Что, если б меч Венера взяла белокурой Минервы,
А белокурая вдруг факел Минерва зажгла?
Кто же нагорных лесов назовет госпожою Цереру
10 Или признает в полях девственной лучницы власть?
Кто же метанью копья обучать пышнокудрого стал бы
Феба? Не будет бряцать лирой Аонии Марс!
Мальчик, и так ты могуч, и так велико твое царство,
Честолюбивый, зачем новых ты ищешь забот?
15 Или ты всем завладел — Геликоном, Темпейской долиной?
Иль не хозяин уж Феб собственной лиры своей?
Только лишь с первым стихом возникала новая книга,
Как обрывал Купидон тотчас мой лучший порыв.
Нет для легких стихов у меня подходящих предметов,
20 Юноши, девушки нет с пышным убором волос», —
Так я пенял, а меж тем, открыл он колчан и мгновенно

Мне на погибель извлек острые стрелы свои.
Взял свой изогнутый лук, тетиву натянул на колене:
«Вот, — сказал он, — поэт, тема для песен твоих!»
25 Горе мне! Были, увы, те стрелы у мальчика метки.
Я запылал — и в груди царствует ныне Амур.
Пусть шестистопному вслед стиху идет пятистопный.
Брани, прощайте! И ты, их воспевающий стих!
Взросшим у влаги венчай золотистую голову миртом,
30 Муза, — в двестишьях твоих будет одиннадцать стоп.

II

Я не пойму, отчего и постель мне кажется жесткой,
И одеяло мое на пол с кровати скользит?
И почему во всю долгую ночь я сном не забылся?
И отчего изнемог, кости болят почему?
5 Не удивлялся бы я, будь нежным взволнован я чувством...
Или, подкравшись, любовь тайно мне козни творит?
Да, несомненно, впились мне в сердце точеные стрелы,
И в покоренной груди правит жестокий Амур.
Сдаться ему иль борьбой разжигать нежданное пламя?
10 Сдамся: поклажа легка, если не давит плечо.
Я замечал, что пламя сильнее, коль факел колеблешь,
А перестань колебать — и замирает огонь.
Чаще стегают быков молодых, ярму не покорных,
Нежели тех, что бразду в поле охотно ведут.
15 С норовом конь — так его удилами тугими смиряют;
Если же рвется он в бой, строгой не знает узды.
Так же Амур: сильнее и свирепей он гонит строптивых,
Нежели тех, кто всегда служит покорно ему.
Я признаюсь: я новой твоей оказался добычей,
20 Я побежден, я к тебе руки простер, Купидон.

Незачем нам враждовать, я мира прошу и прощенья,
Честь ли с оружием твоим взять безоружного в плен?
Миртом чело увенчай, запряги голубей материнских,
А колесницу под стать отчим воинственный даст.

25 На колеснице его — триумфатор — при кликах народа
Будешь стоять и легко править упряжкой птиц.
Юношей пленных вослед поведут и девушек пленных,
Справишь торжественно ты великолепный триумф.
Жертва последняя, сам с моей недавнею раной

30 Новые цепи свои пленной душой понесу.
За спину руки загнув, повлекут за тобой Благонравье,
Скромность и всех, кто ведет с войском Амура
борьбу.

Все устроятся тебя, и, руки к тебе простирая,
Громко толпа запоет: «Слава! Ио! Торжествуй!»

35 Рядом с тобой Соблазны пойдут, Заблуждение,
Буйство —
Где бы ты ни был, всегда эта ватага с тобой.
Ты и людей, и богов покоряешь с таким ополчением.
Ты без содействия их вовсе окажешься гол.
Мать с олимпийских высот тебе, триумфатору, будет

40 Рукоплескать, на тебя розы кидать, веселясь.
Будут и крылья твои, и кудри гореть в самоцветах,
Сам золотой, полетишь на золоченой оси.
Многих еще по дороге спалишь — тебя ли не знаю!
Едучи мимо, ты ран много еще нанесешь.

45 Если бы даже хотел, удержать ты стрелы не в силах:
Если не самый огонь, близость его — обожжет.
Схож с тобою был Вакх, покорявший земли у Ганга,
Голуби возят тебя — тигры возили его.
Но коль участвую я в божественном ныне триумфе,

50 Коль побежден я тобой, будь покровителем мне!

Великодушен — смотри! — в боях твой родственник
Цезарь,
Победоносной рукой он побежденных хранит.

V

Жарко было в тот день, а время уж близилось к полдню.
Поразморило меня, и на постель я прилеж.
Ставня одна лишь закрыта была, другая — открыта.
Так что была полутень в комнате, словно в лесу,
5 Мягкий, мерцающий свет, как в час перед самым закатом,
Иль когда ночь отошла, но не возник еще день.
Кстати, такой полумрак для девушек скромного нрава,
В нем их опасливый стыд нужный находит приют.
Тут Коринна вошла в распоясанной легкой рубашке,
10 По белоснежным плечам пряди спадали волос.
В спальню входила такой, по преданию, Семирамида
Или Лайда, любовь, знавшая многих мужей...
Легкую ткань я сорвал, хоть, тонкая, мало мешала,
Скромница из-за нее все же боролась со мной.
15 Только сражалась, как те, кто своей не желает победы,
Вскоре, себе изменив, другу сдалась без труда.
И показалась она перед взором моим обнаженной...
Мне в безупречной красе тело явилось ее.
Что я за плечи ласкал! К каким я рукам прикасался!
20 Как были груди полны — только б их страстно
сжимать!
Как был гладок живот под ее совершенною грудью!
Стан так пышен и прям, юное крепко бедро!
Стоит ли перечислять?.. Всё было восторга достойно.
Тело нагое ее я к своему прижимал...
25 Прочее знает любой... Уснули, усталые, вместе...
О, проходили бы так чаще полудни мои!

VI

Слушай, привратник, — увы! — позорной прикованный
цепью!

Выдвинь засов, отвори эту упрямую дверь!

Многого я не прошу: проход лишь узенький сделай,

Чтобы я боком пролезть в полуоткрытую мог.

⁵ Я ведь от долгой любви исхудал, и это мне кстати,

Вовсе я тоненьким стал, в щелку легко проскользну..

Учит любовь обходить дозор сторожей потихоньку

И без препятствий ведет легкие ноги мои.

Раньше боялся и я темноты, пустых привидений,

¹⁰ Я удивлялся, что в ночь храбро идет человек.

Мне усмехнулись в лицо Купидон и мать Венера,

Молвили полушутя: «Станешь отважен и ты!»

Я полюбил — и уже ни призраков, реющих ночью,

Не опасаясь, ни рук, жизни грозящих моей.

¹⁵ Нет, я боюсь лишь тебя и льщу лишь тебе, лежебока!

Молнию держишь в руках, можешь меня поразить.

Выгляни, дверь отомкни, — тогда ты увидишь, жестокий:

Стала уж мокрою дверь, столько я выплакал слез.

Вспомни, когда ты дрожал, без рубахи, бича ожидая,

²⁰ Я ведь тебя защищал перед твоей госпожой.

Милость в тот памятный день заслужили тебе

мои просьбы,

Что же — о, низость! — ко мне нынче не милостив ты?

Долг благодарности мне возврати! Ты и хочешь,

и можешь.

Время ночное бежит, — выдвинь у двери засов!

²⁵ Выдвинь!.. Желаю тебе когда-нибудь сбросить оковы

И перестать наконец хлеб свой невольничий есть.

Нет, ты не слушаешь просьб... Ты сам из железа,

привратник!..

- Ночь, любовь и вино терпению не очень-то учат:
- 60 Ночи стыдливость чужда, Вакху с Амуром — боязнь.
Средства я все истощил, но тебя ни мольбы, ни угрозы
Все же не тронули... Сам глуше ты двери глухой!
Нет, порог охранять подобает тебе не прекрасной
Женщины, — быть бы тебе сторожем мрачной
тюрьмы!..
- 65 Вот уж денница встает и воздух смягчает морозный,
Бедных к обычным трудам вновь призывает петух.
Что ж, мой несчастный венок! С кудрей безрадостных
сорван,
У неприятных дверей здесь до рассвета лежи!
Тут на пороге тебя госпожа поутру заметит,
- 70 Будешь свидетелем ты, как я провел эту ночь...
Ладно, привратник, прощай!.. Тебе бы терпеть мои муки!
Соня, любовника в дом не пропустивший, — прощай!
Будьте здоровы и вы — порог, столбы и затворы
Крепкие, — сами рабы хуже цепного раба!

VII

- Если ты вправду мой друг, в кандалы заключи
по заслугам
Руки мои — пока буйный порыв мой остыл.
В буйном порыве своем на любимую руку я поднял,
Милая плачет, моей жертва безумной руки.
- 5 Мог я в тот миг оскорбить и родителей нежно любимых,
Мог я удар нанести даже кумирам богов.
Что же? Разве Аянт, владевший щитом семислойным,
Не уложил, изловив, скот на просторном лугу?
Разве злосчастный Орест, за родителя матери мстивший,
- 10 Меч не решился поднять на сокровенных богинь?
Я же посмел растрепать дерзновенно прическу любимой,